

УДК 811.161.1'42

Е.В. Кардашова

**ЗНАЧЕНИЯ «НЕСВОБОДЫ»
КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ СМЫСЛ ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТЕРЕОТИПНЫХ МОДЕЛЕЙ
РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)**

О.В. КАРДАШОВА. ЗНАЧЕННЯ «НЕСВОБОДИ ЯК ІНТЕГРУЮЧИЙ СМИСЛ БУДЕННОГО ДИСКУРСУ (НА МАТЕРІАЛІ СТЕРЕОТИПНИХ МОДЕЛЕЙ РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРИ)

Публікацію присвячено пошуку генералізуючих структур буденного дискурсу через звернення до дискурсивної позиції суб'єкта. Пошук чинників, що забезпечують єдність та автономність буденного дискурсу, базується на припущенні, що цілісність дискурсу як такого гарантовано інстанцією дискурсивного суб'єкта. Позиція суб'єкта буденного дискурсу маркується за допомогою стереотипних моделей ідентифікації, що включають означення «звичайна людина», «маленька людина», «середня людина». В статті на матеріалі Національного корпусу російської мови проаналізовано висловлення, що містять ідентифікатори «звичайна людина», «маленька людина», «середня людина», конкретизовано значення цих моделей, реконструйовано парадигму концептуальних смислів, що є значущими для того, що говорить, як для суб'єкта буденного дискурсу. Можливості трансформацій цих смислів та характер зв'язків між ними дозволяють зробити висновок про синергетичну природу семантичної самоорганізації буденного дискурсу та виокремити значення «несвободи» у якості інтегруючого смислу буденного дискурсу.

Ключові слова: повсякденність, буденний дискурс, суб'єкт буденного дискурсу, стереотипна модель ідентифікації, «звичайна людина», «маленька людина», «середня людина».

Е.В. КАРДАШОВА. ЗНАЧЕНИЯ «НЕСВОБОДЫ» КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ СМЫСЛ ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТЕРЕОТИПНЫХ МОДЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Публикация посвящена поиску генерализующих структур обыденного дискурса посредством обращения к дискурсивной позиции субъекта. Поиск факторов, обеспечивающих единство и автономность обыденного дискурса, базируется на предположении, что целостность дискурса как такового гарантирована инстанцией дискурсивного субъекта. Позиция субъекта обыденного дискурса маркируется с помощью стереотипных моделей идентификации, включающих определения «обычный / обыкновенный человек», «маленький человек», «средний человек». В статье на материале Национального корпуса русского языка проанализированы высказывания, содержащие идентификаторы «обычный / обыкновенный человек», «маленький человек», «средний человек», конкретизированы значения этих моделей, реконструирована парадигма концептуальных смыслов, значимых для говорящего как субъекта обыденного дискурса. Возможности трансформаций этих смыслов и характер связей между ними позволяют сделать вывод о синергетической природе семантической самоорганизации обыденного дискурса и выделить значения «несвободы» в качестве интегрирующего смысла обыденного дискурса.

Ключевые слова: повседневность, обыденный дискурс, субъект обыденного дискурса, стереотипная модель идентификации, «обычный человек», «обыкновенный человек», «маленький человек», «средний человек».

O. V.KARDASHOVA. THE VALUE OF “UNFREEDOM” AS AN INTEGRATING SENSE OF ORDINARY DISCOURSE (ON THE BASIS OF RUSSIANLINGUISTIC CULTURE’S STEREOTYPED PATTERNS).

The publication is devoted to the search for a generalizing structures of ordinary discourse by referring to the discursive position of the subject. Searching for factors ensuring the unity and autonomy of ordinary discourse, based on the assumption that the integrity of the discourse as such guaranteed by the instance of discursive subject. The position of the subject of ordinary discourse is marked by stereotyped patterns of identification, including the definition of “normal / ordinary person”, “little man, “middle man”. The article on the material of the Russian National Corpus analyzed statements containing identifiers “normal / ordinary person”, “little man”, “middle man”, specified values of these

models, reconstructed paradigm of conceptual meanings significant to the speaker as the subject of ordinary discourse. A possibility to transformation of meanings and specialty of the connections between them suggest the synergistic nature of semantic self-organization of ordinary discourse and highlight the value of "unfreedom" as an integrating sense of ordinary discourse.

Keywords: *daily, ordinary discourse, the subject of ordinary discourse, stereotypical model of identification, "ordinary man", "common man", "little man", "middle man".*

Антропоцентрическая ориентированность лингвистических исследований предполагает, в числе прочего, постановку вопроса: как язык соотносится со сферой обыденной жизни человека и в какой мере повседневность воплощена в речевых структурах. Поиск ответов на эти вопросы включает в объем предмета лингвистических исследований такой феномен, как обыденный дискурс.

Среди множества определений дискурса и отвечающих им принципов дискурсивного анализа в осмыслении повседневности наибольший интерес представляет понимание дискурса как способа освоения мира, получающего речевую объективацию в ходе когнитивно-коммуникативной деятельности человека, а также как одного из возможных способов присвоения значений явлениям мира. Такая трактовка позволяет соотнести определенный тип дискурса – и с типом или модусом сознания, и с некоторой «сферой» или «отраслью» жизни¹. Коррелятами обыденного дискурса в этом случае выступают обыденное сознание и повседневность, понятая как один из способов постижения действительности.

Повседневность нередко квалифицируется как неспецифицированная сфера жизни, как своеобразные «прорехи бытия», область неосознаваемого существования. Так понятая повседневность лишена собственных внутренних связей, она распадается на отдельные «вываливающиеся из жизни» фрагменты, которые не составляют единого целого, являясь «жизненным фоном» или «между-бытием». В таком случае можно усомниться и в целостности обыденного дискурса, потенциально соотносимого с бесконечным множеством «способов говорения» и «способов понимания», никак не связанных друг с другом.

Поиск факторов, обеспечивающих единство и автономность повседневности и органически связанного с ней обыденного дискурса, базируется на предположении, что целостность дискурса как такового конституирована определенной конфигурацией инстанций субъекта, адресата и объекта (актуализирующих опреде-

ленный способ представления «Я», Другого, окружающего мира). Позиция субъекта в такой конфигурации является детерминирующей. Она задает возможность говорящему производить определенные смыслообразующие акты и балансировать отдельные концептуализации: самоопределение, представления о себе самом и о других, представления о своем месте в мире, характере и свойствах вещей этого мира. «Погруженность» человека в сферу обыденной жизни, растворенность в ней, тем не менее, актуализирует необходимость обнаружить «СЕБЯ» в качестве участника повседневности, «обыденного человека», производителя обыденной речи, субъекта обыденного дискурса.

Эта деятельность связана со стереотипными моделями идентификации, включающими определения «ОБЫЧНЫЙ / ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК», «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК», «СРЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК». В задачи исследования, частично представленного в этой статье, входит анализ контекстов из Национального корпуса русского языка² [2], содержащих подобные идентификаторы; конкретизация значений, зафиксированных стереотипными моделями идентификации; осмысление того, как в коллективном сознании носителей русского языка концептуализируется человек, участвующий в повседневности³; как различные

² В качестве источника языкового материала использован основной, устный и газетный корпус. Контексты, взятые из Национального корпуса русского языка, даны в сносках курсивом.

³ Применимость моделей «обычный / обыкновенный человек», «маленький человек», «средний человек» для идентификации субъекта обыденного дискурса подтверждается исследуемым материалом. Так, модель «обычный человек» описывает человека как участника повседневной жизни (см.: «Обыкновенный человек в обыденной жизни может стать Золушкой, а может и феей» [Виктория Белопольская. Прощание Золушки с туфелькой (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30]; «Во всех этих пьесах проявилась существенная черта дарования Пановой — зоркого бытописателя современности, «поэта обыкновенных людей» (Н. Погодин), не пренебрегающего повседневными происшествиями, житейскими отношениями, особенными жизненными красками, свойственными данной среде и сегоднешнему быстротекущему времени» [А. Нинов.

¹ Ср. известное определение Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, "погруженная в жизнь"» [1, 137].

планы его самовыражения соотносятся в «целом» обыденного дискурса.

Содержание моделей показывает, что обыденному дискурсу соответствует такой тип субъекта, идентификация и самоидентификация которого оказывается возможной только в соотносительности с ЦЕЛЫМ, которое может быть представлено как коллектив, группа⁴, однородная совокупность, неопределенное множество⁵.

Вера Панова. Творчество и судьба (1987)]; «[№ 2, муж, 52] Вероятно / в повседневном ритуале жизни у обычного человека есть какое-то место для музыки» [Беседа на радио с лидером рок-группы «Аквариум» Борисом Гребенниковым (2005)]. Метафорическая номинация «маленький человек», несмотря на шлейф литературных ассоциаций, также может быть применена для идентификации субъекта повседневности: «маленький человек» ассоциируется с «обывательским миром»; «бытом», обнаруживает связь с частной жизнью, приватной сферой (ср.: «Он уютен, потому что это обывательский мир, мир маленького человека» [Дуня Смирнова. Херлуф (1997) // «Столица», 1997.11.11]; «Но и этот фильм был скорее исключением, к которому можно добавить аргентинские "Утраченные объятия", чело- вечную историю о маленьких людях, пытающихся вырваться из унылых клещей обыденности» [Вербичкая Зоя. Мы берлин не взяли // Труд-7, 2004.02.17]; «Для него характерны обращение к бытовым сценам, приватной сфере, идеализации мира маленького человека» [Дарья Неклюдова. Россия погружается в атмосферу страха // Новый регион 2, 2009.01.28]; «Киркоров переключил общественный интерес с политических дразг и скандалов на проблемы частной жизни маленького человека» [Сергей Лесков. Лорена Боббит и Ирина Ароян // Известия, 2004.07.07]). Со «средним человеком» и «средним», «серединной» вообще ассоциировано обыденное, будничное, житейское и бытовое (Напр.: «Почему же в этот короткий миг своей жизни почти всякий средний человек так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из тесных и привычных рамок обыденности...» [А. В. Ельчанинов. Записи (1926-1934)]; «Обычный, будничный, средний опыт подсказал...»; «Доклад в сущности представляет собой обыкновенное домашнее рассуждение, средний навар из житейской мудрости и благих пожеланий»).

⁴ См.: квалификацию обыденного человека через социальную группу (чаще – через профессиональную) и социальную роль, напр.: «Как долго еще мы можем просить обычных людей — фермеров и рыбаков, учителей, докторов и медсестер — брать на себя обязательства обанкротившихся частных банков,—отметил Гримссон» [РИА Новости // 29.11.2010]; «Я снова вернулся к себе — обычному человеку и гражданину, семьянину, преподавателю, ученому, публицисту» [Анатолий Собчак. Дюжина ножей в спину (1999)]; «Описание среднего класса как группы, выступающей против установленного строя, несомненно, приятно на фо-

Исследованный материал демонстрирует, что отношения субъекта обыденного дискурса и общности парадоксальны по своей сути. С одной стороны, – это отношения ЧАСТИ И ЦЕЛОГО, варьируемые от констатации СХОДСТВА⁶ СО «ВСЕМИ», «ОСТАЛЬНЫМИ» – до ПОЛНОЙ НЕРАЗЛИЧИМОСТИ на фоне этих «остальных»⁷, ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЧЕЛО-

не общепризнанных идиллических картинок благополучного среднего человека, опоры демократии, морально зрелого, добросовестного налогоплательщика и добропорядочного семьянина» [Рецензии (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12].

⁵ Ср.: «Пока избранник еще не вышел из толпы, пока душа его «вкушает холодный сон», — себе самому и людям он кажется обыкновенным человеком» [Д. С. Мережковский. Пушкин (1896)]; «Наиболее интересным здесь является поведение массы обычных людей, не занятых в системе власти и в карательных органах, но связанных с отщепенцем деловыми или дружескими отношениями» [Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998)]; «...все же смешно, что они недооценивают здравый смысл широких масс, того маленького человека, которого я представляю и у которого нет возможности подать голос» [Б. Б. Вахтин. Гибель Джонстауна (1978-1980)]; «...Но какое улучшение? — такое, в каком среднем человеку, стаду, будет сытнее и привольнее» [Михаил Веллер. Карьера в Никуда (1988)]; «Народ не суверен, не царь, не мудрец, а довольно жалкая толпа, и чем он крупнее и стихийнее, тем более беспомощен и жалок. Каждый отдельный элемент этой стихии, средний человек, вовсе не правомерное и не правоспособное существо...» [М.О. Меньшиков. Закон обновления (1910.01.01)].

⁶ Ср.: «Это самые обычные люди. Такие же, как мы,—страдающие, переживающие, воспитывающие детей» [Надежда Шульга. Эксперт «Битвы экстрасенсов» Михаил Виноградов: «Приходится работать переводчиком с языка экстрасенсов на милицейский» // Комсомольская правда, 2010.03.12]; «Но я просто человек, обыкновенный человек, я не видел ничего невероятного и живу, как все, уж простите мен» [Мария Головановская. Противоречие по сути (2000)]; «Знаменитость его обманчива — он человек маленький. Такой же, как ты» [Владимир Березин. О Твардовском // «Новый Мир», 1996]. Значения подобия актуализированы и в ситуации противопоставления обычным людям — непохожих, напр.: «Это ведь и была идея фильма — непохожие во всем своем многообразии чаще всего не принимаются обществом, они боятся не только за себя, но и за людей, которым могут навредить, или ненавидят обычных людей...» [Алла Иванова. История болезни // РБК Daily, 2009.04.29].

⁷ Напр.: «Президент ведь не совсем обычный человек, он должен чем-то выделяться на фоне окружающих» [Самойлова Елена. К вам, не спросяся, президент России' // Труд-7, 2008.05.19]; «Одевался он неприметно, на машинах шикарных не ездил.

ВЕКА И КОЛЛЕКТИВА и, в конечном счете, ОТКАЗА ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ (собственного мнения, позиции, слова, имени, личности, лица)⁸. Причастность целому стремится к полному совпадению с ним, к отсутствию отличного, «иноного», исключительного. Так что обыденный человек предстает как человек «стертый», не только не различимый, но и лишенный самой возможности различия. В плоскости обыденной жизни ориентация субъекта на целостность, общее, коллектив инициирует такие важные для него смыслы, как возможность взаимопонимания, представления о сердечных узах и близости душ, необходимости взаимопомощи, специфическом чувстве коллектива. С другой стороны, постоянная апелляция к большинству способна проблематизировать существование самого субъекта, «Я»⁹, отдельного от целого и нетождественного ему: обыденная дискурсия демонстрирует безоговорочный ПРИМАТ ОБЩЕГО НАД ИНДИВИ-

ДУАЛЬНЫМ, ОБЕСЦЕНИВАЮЩИЙ ЕДИНИЧНОЕ, ЧАСТНОЕ, НЕПОХОЖЕЕ.

Эта тенденция может быть преодолена: центробежным силам партитивных значений в сфере обыденной дискурсии противостоят центростремительные силы, конституирующие АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО субъекта обыденного дискурса.

В семантике рассмотренных моделей наряду с интегрирующими смыслами в семантике рассмотренных моделей актуализируются смыслы, которые не дифференцируют – но разделяют, позволяя участнику повседневности отграничиться от целого, коллектива, группы, толпы, ощутить и утвердить свою частность. Обыденный человек – это ЧЕЛОВЕК «САМ ПО СЕБЕ»¹⁰, в своей частной, личной жизни¹¹. Он формирует вокруг себя особое жизненное пространство, СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ МИР¹², «МИКРОМИР», помещая себя самого – в ЦЕНТР такого мира – В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ К ЕГО ПЕРИФЕРИИ; КАК ЧЕЛОВЕК НОРМАЛЬНЫЙ – В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ АНОМАЛИИ.

Параметры этого пространства заданы самым обыденным человеком – он творит его ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ. «Свой

*Вообще старался вести себя так, словно он **обычный человек*** [Инга Капырина. («КП» - Новосибирск»). Елена Дуда. Вице-мэра Новосибирска застрелили в лифте // Комсомольская правда, 2004.03.02]; «...в большой семье можно воспитать только **среднюю личность**; так и воспитываются массы **обыкновенных людей**, так редко поэтому великие человеческие характеры, счастливое исключение из **серой толпы**» [А. С. Макаренко. Книга для родителей (1937)].

⁸ Напр.: «...**обыкновенные люди** вошли, и лица у них были **обыкновенные**, может быть, более напряженные, пугливые, и мы как-то растворились в этой толпе» [Юрий Головин. Я стоял неподалеку от того танка... (2001)]; «Истории советского драматического искусства **эти безымянные** неинтересны, в отличие от славной когорты товстоноговского театра, но, воспитанные русской литературой с ее классическим вниманием к **маленькому человеку**, мы на мгновение склоним головы перед их братской могилой...» [Владимир Рецпер. Ностальгия по Японии (2000)]; «Я человек **маленький**, наемный, **мне рассуждать не дано**: что хозяин прикажет, то и исполняю» [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]; «Мы с тобой **маленькие люди**, делаем, что умеем... **умрем, когда потребуется**» [Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927)]; «**Средний человек**, словно **смешали миллион лиц**, и вылепили **одно общее**» [Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998)].

⁹ Ср.: «...**средний человек**, забыв о своем **личном безумном исходе**, весь уходит на приспособление и существует, как **резиновый буфер**» [М. М. Пришвин. Дневники (1921)]; «Ведь я **средний человек**, та **безразличность**, из которой ткется ткань жизни, и поэтому рассуждаю, как **нитка в материи**» [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко (1894)].

¹⁰ Ср.: «Причем если вначале проявили себя представители муниципальных, общественных организаций, то потом пошли **обыкновенные люди, не входящие ни в какие комитеты и партии**» [Байгаров Сергей. СИБИРСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ // Труд-7, 2002.11.22]; «Все вокруг опять было **обыкновенно**, и душа Петра Антоновича опять стала **обычной, отдельной** от мирового процесса душою **маленького человека**, такого же человека, как и мы все, живущие в днях и в часах» [Ф. К. Сологуб. Турандина (1912)].

¹¹ Напр.: «Горький **личный опыт** заставил первого вице-преьера посмотреть на ситуацию с дорогами глазами **обычного человека**» [Анастасия Саввиных. В России построят дороги без дураков // Известия, 2008.03.25]; «...ведь космонавты **обычные люди, со своими семьями, проблемами, планами на будущее...**» [Черкасская Марина. ИСПОВЕДЬ ПЕРЕД ВЗЛЕТОМ // Труд-7, 2001.01.24]; «Ведь главы государств – это не только лидеры своих стран, но и **обычные люди со своими пристрастиями, привычками, возможно, странностями**» [Гусейнов Рафаэль. МЫ НЕ ОДИНОКИ В ЭТОМ МИРЕ // Труд-7, 2002.09.05].

¹² Ср.: «**Средний человек**, с которым преимущественно приходится иметь дело, всего более ценит возможность свободно устроиться и распоряжаться в **той небольшой сфере**, которую он привык называть **своею**» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Письма о провинции (1863-1871)].

мир» соразмерен обыденному человеку¹³, гарантирует последнему спокойствие, комфорт¹⁴, отсутствие потрясений¹⁵; проекциями этого мира оказываются: дом с его порядком и уютom¹⁶; быт и жизненный уклад¹⁷; «свой круг» и возможность непринужденного общения¹⁸. В «СВОЕМ МИРЕ» царит порядок, предсказуемо действуют известные законы; это область уже знакомого, привычного, устоявшегося; понятного и понятого, «своего»; «микромир» обыденного человека противостоит неведомому, непривычному, неизмеренному, неподчиненному – «большому миру», «чужому миру» – как нечто безусловно ценное, как единственно значимое; «СВОЙ МИР» переживается и проживается как БЛИЗКОЕ, СВОЕ, РОДНОЕ, ЕДИНСТВЕННО ДОСТОВЕРНОЕ.

С другой стороны, самочувствие субъекта обыденной дискурсии определяется представлением «микромира» повседневности как

¹³ См.: «Герои Бидструпа — *маленькие люди, отстаивающие свой маленький мирок в огромном и враждебном мире*» [Дуня Смирнова. Херлуф (1997) // «Столица», 1997.11.11].

¹⁴ Напр.: «Он уютен, потому что это обывательский мир, мир *маленького человека*» [Дуня Смирнова. Херлуф (1997) // «Столица», 1997.11.11]; «Средний человек до болезненности чувствителен к тем *благам, совокупность которых составляет жизненный комфорт*» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877-1883)].

¹⁵ Ср.: «...так называемые *обычные люди, которые не хотят ничем рисковать и больше всего озабочены тем, чтобы их не трогали*» [Сергей Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда», 2003]; «Почему в них травливают его, *обыкновенного человека, который хочет только одного — спокойно жить, не думая ни о чем?*» [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]; «...*средний человек, трудящийся и скромный, человек, который предпочитает спокойствие беспокойству, свободу стеснению, потому что видит в спокойствии и свободе единственную ограду своей личности и своего труда*» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год (1879-1880)].

¹⁶ Напр.: «Но *люди обыкновенные, которые предпочитают динамиту уютный домик, начинают обживать новую веру, устраиваться в этом голом шалаше по-хорошему, по-домашнему*» [И. Г. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)].

¹⁷ Ср.: «Мои родители *обыкновенные люди, инженеры оба, мама сама мне шьет, тихие, заботливые, скромный быт, телевизор и бесконечная родня*» [Мария Головановская. Противоречие по сути (2000)].

¹⁸ Ср.: «А я по-прежнему люблю находиться в *непринужденной обстановке среди таких же, как я, обычных людей*» [Колодина Мария. МЕЧТАЮ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬЕ // Труд-7, 2006.07.28].

обособленного пространства, как ДЛИТЕЛЬНОСТИ, ЗАДАННОЙ ПРЕДЕЛОМ¹⁹. При всей своей проницаемости, открытости иным планам реальности, обыденное существует в неснятой перспективе некоего рубежа, тогда как обыденный человек предстает как ЧЕЛОВЕК В ОГРАНИЧЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ. Этот предел несет охранительную функцию, формирует жизненное пространство человека, делает возможным существование «СВОЕГО МИРА» – ЗНАКОМОГО, БЛИЗКОГО, ДОРОГОГО; устанавливает порядок и равновесие внутри ограниченного пространства, обуславливает устойчивость мира и человека в нем. И этот же предел превращает жизненный мир обыденного человека в замкнутое²⁰, сужающееся пространство, способное ограничить его значениями СПЛОШНОГО ОТСУТСТВИЯ, НЕВОЗМОЖНОСТИ И НЕСВОБОДЫ, вытеснить его из жизни, лишить перспектив собственного – индивидуального, необщего – существования. Таким образом, пространственно-ценностные характеристики рассматриваемых моделей демонстрируют неоднозначность жизненного мира человека обыденности: с одной стороны, этот мир предстает как СВОЕ, РОДНОЕ, БЛИЗКОЕ, ассоциируемое со СПОКОЙСТИЕМ, КОМФОРТОМ, УЮТОМ, ДОМОМ, СЕМЬЕЙ; с другой – как ПРОЗА ЖИЗНИ, СЕРЫЕ БУДНИ, КАК УЩЕРБНОЕ, БЕЗБЛАГОДАТНОЕ пространство²¹.

¹⁹ Напр.: «...чтобы *среднему человеку работать нестандартно, ему нужно преодолеть предел своей нормальности*» [Дмитрий Медведев. Мастера. Ученики и стили (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18]; «... среди многомиллионных полчищ *«средних» людей, отгородившихся от всего барьерами мещанства*» [Я.Е. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре (1965) // Я. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре. Прозаический комментарий к поэтической биографии, 1989].

²⁰ Ср.: «Как хочется не быть *маленьким человеком, замкнутым в своем мире...*» [Ввиду явного преимущества... // «Студенческий меридиан», 1984].

²¹ Ср.: «Это все лишь орудия смешения — это *исполнинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести всех и все к одному знаменателю. [...] Цель всего — средний человек...*»; «Историю России и русской культуры сквозь призму *обывательского прозябания «маленьких людей»* рассматривают, каждый со своей позиции, два новейших петербургских автора — Вадим Воинов и Тимур Новиков» [Алексей Курбановский. Испытания пустотой // «Звезда», 2000]; «О *черной житухе маленьких людей* пишет 55-летняя Валентина Шкинч» [Концлагерь в океане // Комсомольская правда,

Наконец, обыденный человек может быть определен в измерении базовых экзистенциалов, таких как ЗАБОТА, СВОБОДА, НЕОБХОДИМОСТЬ. Самочувствие человека в повседневности обусловлено осознанием безальтернативного характера объективной действительности и повседневной деятельности, связанной с необходимостью ВЫЖИВАНИЯ²²: обыденный человек характеризуется как отягощенный проблемами, нуждами и обязательствами²³; его деятельность – ЗАБОТА – направлена на поддержание физического существования, как собственного, так и семьи, «близких людей»²⁴.

2002.08.29]; «Герой этой блестяще написанной пьесы, обыкновенный **маленький человек**, разочаровывается в своей **бесцельной серой жизни** и принимает решение покончить эту жизнь самоубийством» [Юрий Елагин. *Укрощение искусств* (1952)]; «Почему же мы, **обыкновенные люди**, должны мириться с перспективой **серого, незаметного существования, скуки, пошлости и бесследной смерти?**» [М. П. Арцыбашев. *Рассказ об одной пощечине* (1905)].

²² См.: «Если **обыкновенный человек** эгоистичен и алчен, то он эгоистичен и алчен вследствие сознания, **что ему нужно жить**, что иначе он, а если не он, то его семейство — умрет, что нужно обеспечить жизнь своего семейства» [С. Ю. Витте. *Воспоминания* (1911)]; «**Обычному человеку**, пришедшему с работы, **выживающему в наши времена**, включившему «ящик», что ему засовывают вместе с его макаронами?» [Елена Лаптева, *Фото из семейного архива и Алекса Федечко-Мацкевича*. Юрий Шевчук: *Моя женщина должна есть и выпивать не меньше меня* // *Комсомольская правда*, 2007.05.16]; «В обычном мире **обычных людей**. Чьи проблемы решаются **трудом и чередой необходимых жертв**» [Поттерброд // *РИА Новости*, 2007.07.26].

²³ Напр.: «**Казаки — обычные люди** со своими **заботами и проблемами**, но некоторые хотят представить их солдафонами, которым, кроме службы, больше ничего в жизни не надо» [Проблемы и перспективы казаков (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.11.23]; «По мне, шансон — это песни **обычного человека** из народа, о его **проблемах и нуждах**» [Алексей Иванов. *Сергей Трофимов в Ижевске: «Моя мама думала, что меня посадят!»* // *Комсомольская правда*, 2011.03.04]; «Он не герой-любовник, он **обыкновенный человек**, у него масса **забот и обязательств...**» [Дина Рубина. *День уборки* (1980)].

²⁴ Напр.: «**Абсолютное большинство их** вслед за Христом молятся о снисхождении, о пощаде для своих палачей, и не потому, что любят их — требовать подобного от **обычного человека**, не святого, было бы кощунственно, — просто они мечтают, чтобы на земле, где еще живут их дети и внуки, было меньше зла» [Владимир Шаров. *Воскрешение Лазаря* (1997-2002)]; «Мы **обычные люди**, хотим

ЗАБОТА неизбежно привязывает к материальной, «вещной», телесной, деятельностной стороне жизни. Человек в значениях ЗАБОТЫ — это ЧЕЛОВЕК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ПОТРЕБНОСТЕЙ, и повседневная жизнь обыденного человека описывается (да и исчерпывается) некоторым набором вещей и действий, обеспечивающими эти потребности²⁵, ТРУДОМ РАДИ ХЛЕБА НАСУЩНОГО²⁶. Именно ЗАБОТА обеспечивает неотчуждаемость и тотальность повседневности.

Представление о повседневной жизни не ограничивается одними лишь значениями ОБЯЗАТЕЛЬНОГО. Озабоченность ВЫЖИВАНИЕМ дает возможность говорить о повседневности в аспекте противопоставления «ВЫЖИВАНИЕ VS ЖИЗНЬ». Тогда в отличие от жизни, которая сама создает правила и законы, условия и обстоятельства, выживание будет предполагать существование в тех обстоятельствах и согласно тем законам, которые жестко заданы «извне». В этом смысле пространство повседневности, жизненное пространство обыденного человека — это пространство ДАННОЕ и БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОЕ; к нему можно лишь приспособиться, но его невозможно изменить²⁷. Человек повседневности оказывается

работать и заботиться о своих семьях» [Борис Клиш, обозреватель 'Известий'. *Чужая коррупция* // *Известия*, 2009.12.07].

²⁵ Напр.: «**Обыкновенный человек** — раб житейских забот. Ему нужна **вкусная и обильная пища, хорошая одежда, удобное жилище**» [В. В. Шульгин *Разрозненные воспоминания* (1967-1974)].

²⁶ См.: «Родители у меня самые **обычные люди**, для которых **жизнь — это работа от звонка до звонка** за смешные деньги, а телевизор — единственная радость» [Евгения Пищикова. *Пятиэтажная Россия* (2007) // «Русская Жизнь», 2008]; «Что если он просто **обычный человек**, которому надо каждый день **ходить на работу?**» [Переполох в музее // *РБК Daily*, 2006.12.27]; «Как и все **обыкновенные люди, работающие за кусок хлеба...**» [Александр Терехов. *Бабаев* (2003)].

²⁷ Ср.: «Если сделать (...) шаг в сторону анализа причин или оснований, определяющий описываемый способ освоения мира [повседневность], то логично предположить в качестве такого основания адаптивную стратегию. Повседневность тем самым следует связать с не с преобразовательной активностью, возведенной в ценность современной цивилизацией, а с поведенческими, приспособительными, адаптивными ориентациями. (...) ориентация на вписывание в существующие структуры, а не на их преобразование, соответственно на повторение, а не на новацию, тесно связана с подозрительным отношением к проявлению индивидуальности и творческой активности. Это не значит, что носители повседневности пассивны, но активность их направле-

как бы в пассивном залоге, перед лицом принципиальной невозможности, неосуществимости самодостаточного, самообусловленного существования²⁸. Так в семантическое пространство обыденного человека вновь встраиваются значения **НЕСВОБОДЫ**.

Эти значения обнаруживаются, прежде всего, в контекстах, указывающих на его несамостоятельность, **ПОДЧИНЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ**. Зависимость обыденного человека обнаруживается в самых разных плоскостях, прежде всего – в области социальных отношений. Многочисленные контексты противопоставления «обычного», «маленького» или «среднего» человека – *начальнику, руководителю, главе государства*²⁹ – свидетельствуют о его

на на восстановление структур повседневности. А с другой стороны, это хорошо объясняет суть стандартизации и стереотипизации, присущей этому миру. Стремление подводить ситуации, да и себя, под шаблоны и клише (с позиций интеллектуала) имеет отнюдь не познавательный смысл. Это сугубо практическая потребность делать мир вокруг себя ожидаемым и предсказуемым. В этом же истоки поведения, обычно трактуемого как "конформизм" и "желание быть как все". Здесь нет никакого отказа от самости, поскольку нет ее как таковой» [3, 152].

²⁸ См. напр.: «У моего героя судьба самого **обычного человека**, который пытается **выжить в тех обстоятельствах, которые ему предложены**» [Лиля Брагина. Алексей Серебряков: «Когда предложат играть дедушек, уйду в продюсеры» // Труд-7, 2011.02.10]; «**Обыкновенным людям — не богам и не космонавтам, а тем, кто ходит по земле, приходится постоянно адаптироваться к окружающей среде**» [Алексей Жуков. Атмосферный невроз (2002) // «Семейный доктор», 2002.10.15]; «...пред действительностью философ так же беспомощен, как и обыкновенный человек; единственное, что может, а потому и должна сделать философия, — это научить людей, как им жить в этой кошмарной действительности, от которой проснуться уже некуда» [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)].

²⁹ См. напр.: «Думаю, так сыграть **начальника**, приглашенного на обед **маленьким человеком**, вряд ли кто бы смог» [Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001)]; «Тогдашние **хозяева жизни** все заковыдали стихию, а когда она вышла наружу, крайним оказался **маленький человек**» [Быков Дмитрий. Речник и всадник // Труд-7, 2010.01.28]; «60-летний пенсионер Борисов из Ставрополя, мимикрировав в заместителя прокурора края, разом превратился из **маленького человека** в **значительное лицо**, которому подвластно если не все, то многое» [Роман ЛАВРУХИН. В Ставрополе поймали постаревшего Хлестакова // Комсомольская правда, 2010.03.23]; «Где ежедневную панораму дня составляла бы хроника того, как люди живут в стране. **Обычные люди**, а не на-

подчиненном положении, зависимости от чужой воли и даже, возможно, произвола³⁰, тогда как собственную волю он утвердить уже не в состоянии (по крайней мере, его возможности в этом плане сильно ограничены). Это пример «однонаправленной» зависимости, когда обыденный человек занимает свое место в правой части оппозиции «главный (утверждающий свою волю, диктующий собственные правила) – подчиненный (не имеющий воли, принимающий правила)». Способна ли подобная зависимость – более широко – описывать отношения между людьми в обыденной сфере и будет ли она всегда только «односторонней»?

С одной стороны, сама возможность меня ролей «главный» – «подчиненный» принимается обыденным сознанием как должное. Это подтверждается разного рода практиками: так, например, человек, являющийся подчиненным на работе, стремится завоевать главенствующее положение в других жизненных сферах, часто – в семье. С другой стороны, обыденный дискурс предоставляет необходимые и достаточные ресурсы для интеракций, устанавливающих и непрерывно воспроизводящих отношения подчинения (по сути – субъект-объектные отношения); свою роль здесь играет экспансия институционального (официального) дискурса с его четко закрепленными иерархическими отношениями между участниками. В семантическом же пространстве обыденной дискурсии этому способствуют значения «центра», который так же соотносен с периферией, как «начальник» – с «подчиненным». Так что человек повседневности оказывается склоненным к регулярной реконструкции отношений зависимости, в которых он сам может выступать в роли то дик-

чальники» [Сергей Муратов. Невидимая Россия. Почему региональные новости интереснее столичных (2003) // «Известия», 2003.01.24]; «Надо, чтобы понял, что на свете существуют не две только разновидности: **человек-начальник** и человек-бунтовщик, но есть еще **средний человек**...» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год (1879-1880)].

³⁰ Ср.: «На каких весах можно взвесить этот государственный интерес — жизнь половецкого князя и сотен русских людей? и кто вообще дал право **Мономаху, обыкновенному человеку**, их взвешивать? .. — Ну, а кому же их взвешивать, Иван Иванович, как не **главе государства**? — нетерпеливо прорвался Савченко. — Кому?» [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996)]; «На первый взгляд должно казаться, что решающим моментом здесь окажется склад характера человека; **рабы или обыкновенные люди** повинуются, **господа** или необыкновенные люди повелевают» [Л. И. Шестов. Достоевский и Ницше (1903)].

тующего «субъекта», то полностью обезволенного подчиняющегося «объекта».

Значения **НЕСВОБОДЫ** в семантическом пространстве субъекта повседневности не исчерпываются сферой социального взаимодействия – они также являются определяющими для его мышления, поведения, установок, интенций. Так, обращает на себя внимание значимость такой особенности как **ПОДЧИНЕННОСТЬ** обыденного человека **ЗАКОНАМ**, в первую очередь – нравственным³¹. Это положение характеризуется как **НЕСВОБОДА** (а сам обыденный человек – как **НЕСВОБОДНЫЙ**) – в отличие от **САМОСТОЯНИЯ** «свободного человека», некоего «необыкновенного» «сверхчеловека». **СВОБОДА** же здесь предстает как способность и возможность создавать собственные законы, определять свои «правила игры».

В несколько измененном виде значения **НЕСВОБОДЫ** присутствуют в контекстах, свидетельствующих о внушаемости обыденного человека, несамостоятельности его суждений и его подверженности разного рода манипуляциям. Нас эти качества интересуют, прежде всего, с точки зрения зависимости человека повседневности от внешнего влияния, более того, способности внешних воздействий полностью предопределять его мнение, взгляды, суждения и рассуждения, высказывания и поступки³².

³¹ Напр.: «Подобно персонажам Достоевского, которого он, правда, не читал, Сергей стремился доказать себе, а главным образом окружающим, что он не **обыкновенный человек, подчиняющийся неизвестно кем выдуманному нравственным законам, а личность, способная создать свои собственные законы и жить по ним**» [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)]; «Это был гармонический комплекс, в котором он нашел воплощение своих надежд, убеждений, идеалов сверхличности, свободной от **духовно связывающих обычного человека наивных законов нравственности и морали**» [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)]; «**Бизнес-элита, особенно провинциальная, подвержена тем же законам массового сознания, что и обычные люди**» [Оранжевая революция идет на Урал! – Самые крутые слухи недели // Новый регион 2, 2006.04.24]; «Здесь твердо выработалась средняя норма поведения, которой, как всегда, **бессознательно подчиняются средние люди**» [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)].

³² Ср.: «Но часто **обычные люди** далеки от понимания научной основы языковых процессов, и их мнением достаточно **легко манипулировать**» [Мацкявичене Марина. ЯЗЫК МОЙ - ДРУГ МОЙ // Труд-7, 2001.09.21]; «Чтобы **заставить обычного человека** покупать как можно больше абсолютно

Присутствие стереотипов, шаблонов, клише, «общих мест», «общеизвестных истин» в сознании **ОБЫДЕННОГО ЧЕЛОВЕКА** позволяет говорить о нем как о «**ЧЕЛОВЕКЕ ПРЕДСКАЗУЕМОМ**»³³. Поскольку существуют «предустановки», позволяющие стороннему наблюдателю предугадать суждение и поведение обычного человека, постольку этот последний: а) перестает восприниматься как вполне самодостаточная и самостоятельная личность с собственной волей, б) все более вытесняясь в объектную, предметную позицию.

Обыденному человеку приписывается зависимое положение по отношению к неким конструктам, предстающим как «внешние», чуждые, существующие независимо от него самого. Если же вспомнить о зависимости человека обыденности от чужой воли и жизненных обстоятельств, то можно говорить о том, что повседневность является таким модусом существования, который делает возможным и устанавливает **ДИКТАТ ВНЕШНЕГО** по отношению к человеку, несвободу субъекта от неположенного ему.

Для человека повседневности этот диктат является безусловной данностью, от него невозможно избавиться и его нельзя игнорировать – остается его только принимать. Обыденность оказывается областью значений, регулярно воспроизводящих отношения зависимости, (ре)конфигурирующих своего рода меха-

ненужных ему товаров, возникли целые технологии и методики **воздействия на сознание**» [Мещанство и равнодушие // РБК Daily, 2007.12.05]; «Но еще больше было средних людей, которые могли пойти и за добром и за злом, куда так сказать легче, удобнее, моднее. Мода, т.е. психические эпидемии, для людей этого сорта являются категорическим императивом» [В. В. Шульгин. По поводу одной статьи (1925)]; «**Эти средние люди** могут легко сделаться или живыми, или мертвыми, смотря под каким **влиянием** они находятся» [С. Я. Надсон. Дневники (1875-1883)].

³³ См.: «Интернет-пользователи — **обычные люди**, которые под Новый год клянутся сами себе, что начнут новую жизнь» [Цена новогоднего обещания // РБК Daily, 2006.12.27]; «Это вполне ожидаемая логика **обычного человека**—не спешить, посмотреть, как пойдет дело» [Налоговая амнистия не коснулась криминальных 90-х годов - эксперты // РИА Новости, 2008.01.28]; «Посмотрите на этого **среднего человека**, и вы убедитесь, что в его жизни **не будет ничего неожиданного, ничего чрезвычайного...**» [Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)]; «Статистики обожают **«среднего» человека**. Для них он удобен. Он не выкидывает никаких штук и не нарушает закономерностей» [Л.А. Аннинский. Виктор Чернышев и его заботы // «Советский экран», 1968].

низм вытеснения человека в пассив, на второстепенные роли. Субъект повседневности предстает как ОБЪЕКТ осуществления власти, применения силы, внушения, манипуляции.

Вместе с тем, СВОБОДА в контексте обыденного, будучи противопоставленной ЗАВИСИМОСТИ, приобретает эгоцентрические значения и оказывается способностью человека действовать, мыслить, высказываться, исходя из своих внутренних установок. «Я-ориентированная» свобода предоставляет ряд возможностей для человека, стремящегося выйти из подчиненного положения и сменить позицию объекта на статус субъекта. Можно было бы говорить о возможности самостояния, независимости от внешнего, точнее – о несовпадении с ним, когда ничто внешнее не в состоянии определить и предсказать человека; однако, как кажется, эта возможность остается недоступной для обыденного человека и неосуществима в обыденном. Более вероятный для субъекта повседневности сценарий реализуется, когда свобода «исходить лишь из себя самого» рискует обернуться лишь меной ролей отношениях подчинения.

Присутствующая в повседневности НЕСВОБОДА не исчерпывается отношениями внутреннего и внешнего. Анализируемый материал свидетельствует о широком спектре значений НЕСВОБОДЫ, накладывающих разнообразное ограничение на обычного человека, ставящих его перед лицом «множественных невозможностей». Общим для этого спектра является присутствие НЕВОЗМОЖНОСТИ, НЕСПОСОБНОСТИ, ОГРАНИЧЕННОСТИ. Значения НЕСВОБОДЫ как НЕВОЗМОЖНОСТИ трансформируются, преломляясь в разных семантических плоскостях, отнесенные к различным планам жизни и деятельности человека. Так, говоря об обыденном человеке в социальном плане, упоминают об ограниченности его материальных средств и, следовательно, невозможности осуществить что-то, что этих средств требует³⁴, признают его неспособность

³⁴ Напр.: «В мегаполисах недостает гостиничных мест эконом-класса, так что **обычному человеку** зачастую просто **негде остановиться**» [Тимофей Бахвалов. В гостях как дома. Малая гостиница как сервис и бизнес (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22]; «**Обычный человек**, даже трудящийся на 3–4 работах, **не сможет** стать состоятельным» [Морозова Елена. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КОМУ И НА ЧТО НУЖНО СОКРАТИТЬ РАСХОДЫ? // Труд-7, 2008.02.01]; «Вместе с тем, **обычным людям**, живущим на фиксированную зарплату, **все труднее** решить жилищные проблемы, так как **рост их доходов стремительно отстает от роста цен на квартиры**» [Возможен ли к 2009 году дву-

удовлетворить свои социальные потребности, указывают на ограниченность его гражданских прав, как минимум – на отсутствие привилегий³⁵. «Внутренний мир» обыденного человека также предстает как несовершенный, детерминированный ограниченностью психологических, интеллектуальных, духовных ресурсов. Многократно утверждается неполнота, ущербность восприятия, знания, мышления обыденного человека³⁶; фиксируется отсутствие у него таланта, «искры божьей», великодушия, особых душевных и духовных качеств, которые, впрочем, стали бы для него лишь «тяжестью», «бременем»³⁷.

кратный рост цен на жилье? // Комсомольская правда, 2007.10.08].

³⁵ Напр.: «**Вышел закон об обороте земли, а где может** взять эту землю в Москве, например, **обычный человек**, как он к ней найдет доступ?» [Сергей Белановский. Вышвырнутые люди (2002) // «Известия», 2002.07.02]; «Для **"обычных" людей с улицы** многие учебные заведения **малодоступны**» [Кудрявцев Александр. Так поступил бы каждый // Труд-7, 2003.07.08]; «Он еще не свикся с машиной, и потому не считал ее своей исключительной привилегией, на которую **не смеет** претендовать **обыкновенный человек**» [Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960-1970)]; «Но мы — простые, **обыкновенные люди, нет** у нас влиятельных знакомых, значит, **никогда не получить** нам обещанного?» [Инна РУДЕНКО. «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!..» // Комсомольская правда, 2005.10.14].

³⁶ Напр.: «...как **обычные люди** которые не читают Библию/ не читают Коран например/ не близки к этим знаниям» [Открытое судебное заседание по делу Г.П. Грабового // интернет, 2008]; «Однако **обычному человеку** очень **трудно разобраться**, что ему по закону положено, а что нет» [Людмила Григорьева. Фонд «Право матери»-2004 (2004) // «Адвокат», 2004.12.01]; «Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, **незаметные для обыкновенного человека**, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством...» [П. И. Ковалевский. Петр Великий и его гений (1900-1910)]; «Таинственные и многозначительные религиозные интуиции [...] почти **недоступные** по своей глубине неискушенному опыту **среднего человека**» [С. Л. Франк. Философия и религия (1923)].

³⁷ Напр.: «Я считаю, что талант — это способности, позволяющие делать то, что **недоступно среднему человеку**» [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)]; «**обычный человек** просто не выдержит, сойдет с ума от того количества грязи, которая выливается на священника» [Благовест над Байконуром (2003) // «Журнал Московской патриархии», 2003.11.24]; «...недели две существовал на уровне гениальности- жутоккая тяжесть для **обыч-**

В конце концов, обыденный человек обнаруживается перед лицом **ТОТАЛЬНОЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ** вообще что-либо предпринять³⁸, перед неосуществимостью любой самореализации, любого самостояния³⁹. **НЕВОЗМОЖНОСТЬ** и **БЕССИЛИЕ** становятся предопределяющими его качествами, не просто атрибутами, но самой его сутью.

Особенности семантической организации описанных моделей заставляют обратиться к

ного человека» [Паранормальные способности человека: очевидное-невероятное // РИА Новости, 2008.02.19]; «Страшное бремя свободы выбора, ответственности, совести, по его мнению, не выдержат слабые, грешные, обыкновенные люди» [Вл. Воронов. Ответственность // «Юность», 1971]; «Если нам, обыкновенным людям, так тяжела бывает порою работа над самоопределением...» [И. Ф. Анненский. Книга отражений (1906)].

³⁸ См.: «За очень короткий срок он сделал так много, что **обычному человеку** подобное **не по силам**» [В. Губарев. Профессор Георгий Катус: академики идут в космос... (Неосуществленный проект С. П. Королева) // «Наука и жизнь», 2007]; «С терроризмом можно справиться только всем миром, а **обычному человеку это не под силу**» [Как обычному человеку бороться с террором? // Известия, 2005.07.29]; «Интересно ведь, что каждый **обыкновенный человек** думает, а не только что чужой дядя сверху изрекает. Только боюсь я, что придется читать гору писем униженных и оскорбленных с горьким и жалким причитанием: «**Да что мы можем? Да что от меня зависит?**» [Инна Руденко, Рис. Валентина Дружинина. «Дорогие, осчастливьте!..» // Комсомольская правда, 2007.04.02]; «Но что я могу сделать, я **маленький человек**» [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)]; «Кто-то спросил Мать Терезу как же он может участвовать в усовершенствовании мира, если он – **маленький человек**» [Эвелина АЗАЕВА. Берем пример с Канады, где пьяницам - преграды // Комсомольская правда, 2010.09.01]; «Монах говорит о необходимости любви человека к Богу больше, чем о страхе наказания, — но **способен ли маленький человек на такую любовь?**» [С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)]; «...я хлопочу о **средних людях**, о людях с средними страстями, с средними характерами, с средними способностями. Они **не могут совершать** великих дел, великих подвигов, великих жертв» [И. Н. Потапенко. Не герой (1891)].

³⁹ Ср.: «Судьбы **средних людей — массовое производство**, они одинаковы, как банки консервов. Мой отец **не имел самостоятельной судьбы**» [Виктор Кин. Записные книжки (1921-1937)]; «...довольствоваться тихими радостями **вегетативного бытия** среди многомиллионных полчищ «**средних**» людей» [Я.Е. Харон. Злые песни Гийома дю Венстре (1965) // Я. Харон. Злые песни Гийома дю Венстре. Прозаический комментарий к поэтической биографии, 1989].

понятию синергетической среды, ризомы как принципиально асистемного и нелинейного способа самоорганизации целостности. Это позволяет говорить не о структуре и иерархии семантического пространства обыденной дискурсии, но о неких «поверхностях», или «лигатурах», обеспечивающих смысловое единство дискурса. Их соприсутствием и задается целостность позиции субъекта обыденного дискурса.

Множественность значений **НЕСВОБОДЫ**, встроенных, вплетенных в различные смысловые поля семантического пространства обыденного человека, позволяют определить **НЕСВОБОДУ** в качестве дискурсивной лигатуры. **НЕСВОБОДА** может трактоваться предельно широко: как присутствие необходимого, данного и заданного, обусловленного, ограниченного, зависимого и подчиненного, как отсутствие альтернативы, следовательно – возможности выбора и вообще возможности как таковой (в противовес «свободе», понимаемой как возможное, альтернативное, добровольно выбираемое, независимое, необусловленное, неограниченное, самостоятельное).

Многомерность значений **НЕСВОБОДЫ** проявляется в значениях соотнесенности с **ЦЕЛЫМ** и зависимости от этого **ЦЕЛОГО**; в значениях обыденного, данного как фон, **БЕЗЛИЧНОГО**, **АНОНИМНОГО**, исключающих собственно человека и его свободу; в значениях «**СВОЕГО МИРА**» как **ОГРАНИЧЕННОГО ПРОСТРАНСТВА**; в значениях **НЕДОЛЖНОГО**, обусловленных **БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬЮ** обыденного. Как проекция **НЕСВОБОДЫ** могут рассматриваться продуцируемые обыденностью субъект-объектные отношения; последние могут проявляться и как вытеснение человека на позиции **ОБЪЕКТА**, определение его в терминах **ВЕЩИ**, **ФУНКЦИИ**, **СРЕДСТВА**, и как вытеснение человеком всего, что не есть он сам, в область подчиняемого, незначительного и незначимого – мировоззренческий фундамент потребительского отношения к жизни, свойственного «обывателю», человеку обыденности. Повседневность в целом предстает как пространство, организованное отношениями **НЕСВОБОДЫ**, а повседневное существование – существованием в связи со значениями **НЕСВОБОДЫ**, в ее постоянном присутствии.

Изложенное позволяет сделать такие **ВЫВОДЫ**:

1. Признание за субъект-объектными отношениями роли конституирующего признака повседневности свидетельствует об имманентном монолизме обыденного сознания: это последнее не знает Другого как полноправного,

полноценного участника (со-участника) интеракции, события, диалога, жизни вообще.

2. Взаимодействие с контрагентом в обыденном дискурсе может разворачиваться по разным сценариям, но все они будут реализовывать субъект-объектные отношения. Рассмотренные выше семантические единства свидетельствуют об отсутствии или обесценивании Другого или его позиции в таких модификациях:

– принадлежность целому как недифференцированному и нерасчлененному множеству предполагает неотличимость «Я» от Другого и не оставляет возможности для существования последнего;

– осознание субъектом обыденной дискурсии своей причастности ценностно значимому большинству позволяют игнорировать Другого с его отличной позицией благодаря стратегиям дискредитации;

– центральная позиция в «микром мире» заставляет человека повседневности вытеснить Другого из идеально гомогенного жизненного пространства.

3. Обыденность представляет собой пространство, в котором СВОБОДА ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕОСУЩЕСТВИМА. Здесь может быть осуществлена лишь «мнимая свобода» –

выход из подчиненного положения в положение «подчинителя», инверсия в отношениях принуждения. Такая мена ролей не способна сделать человека независимым, как невозможно быть встроенным в отношения несвободы и быть свободным при этом.

4. Обыденный человек в русской лингвокультуре предстает как полностью заданный, определенный отношениями зависимости, неотделимый от них, располагающий лишь мнимой свободой, лишенный и самостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. — Заглавие с экрана;

3. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В. Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – Спец. выпуск 1 (6). – С. 147-159.